
**МОРФОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ
MORPHOLOGY, WORD-BUILDING, FORM-BUILDING
IN NATIONAL LANGUAGES AND DIALECTS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 5–14.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):5-14. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'366:811.512.141'28

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-5-14

**ФОРМАНТЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА -NAR//NÄR
В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Мадина Раилевна Валиева

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия, valieva_1979@list.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4549-3553

Аннотация. Изложены результаты сравнительно-исторического исследования диалектных формантов множественного числа *-nar//när* башкирского языка с целью восстановления картины исторического прошлого и раскрытия закономерностей развития аффиксов *-лар//ләр > -нар//нәр*, начиная от языка-основы. Особое внимание уделяется описанию ареальных, диалектных и литературных вариантов окончаний множественного числа в тюркских языках. В качестве сравнительно-сопоставительного материала привлекались грамматики, различные древнетюркские письменные источники, научные труды, содержащие образцы текстов древнетюркского состояния.

Ключевые слова: башкирский язык, диалекты, множественное число, форманты *-nar // -när*, тюркские языки, древнетюркские письменные памятники

Для цитирования: Валиева М. Р. Форманты множественного числа *-nar//när* в диалектах башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 5–14. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-5-14

Original article

**PLURAL FORMANTS -NAR//NÄR IN THE DIALECTS
OF THE BASHKIR LANGUAGE**

Madina R. Valieva

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, valieva_1979@list.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4549-3553

Abstract. The results of a comparative historical study of dialectal formants of the plural *-nar //när* of the Bashkir language are presented in order to restore the picture of the historical past and reveal the patterns of development of the formants *-лар//ләр > -нар//нәр*, starting from the base language. Particular attention is paid to the description of areal, dialect and literary variants of plural endings in Turkic languages. Grammar, various ancient written sources, scientific works containing samples of texts of the ancient Turkic state were used as comparative material.

Keywords: Bashkir language, dialects, plural, formants *-nar//när*, Turkic languages, ancient Turkic written monuments

For citation: Valieva MR. Plural formants *-nar//när* in the dialects of the bashkir language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):5-14. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-5-14

Введение

Показатели множественного числа (далее — мн. ч.) в тюркских языках рассматривались в разных трудах тюркологов [1–23]. По этому вопросу все еще ведутся исследования, и в 2020 г. увидели свет две новые научные статьи в журнале *Oriental Studies*, где собраны последние материалы по функционированию различных фонетических вариантов окончаний мн. ч. в тюркских языках [9; 19]. Однако появление и ареал употребления окончаний *-нар // -нәр* отдельно подробно не исследованы. Данные аффиксы являются диалектным явлением в башкирском языке. Помимо этого в говорах наблюдаются форманты *-лар// -ләр*, *-тар// -тәр*, *-дар// -дәр*, *-зар// -зәр*, которые приняты литературной нормой языка. Последние три пары являются модификацией последнего столетия, по отношению к ним аффиксы *-лар// -ләр* являются первичными и наблюдаются во всех тюркских языках, в том числе и в древнетюркских письменных памятниках. Форманты мн. ч. *-нар // -нәр* часто выступают одним из критериев разграничений диалектов башкирского языка. Исходя из этого мы решили рассмотреть ареал распространения и время появления данных морфологических показателей как на материале современных тюркских языков, так и в письменных памятниках древнетюркского периода.

Первичные признаки разграничения диалектов башкирского языка

Современный башкирский язык состоит из трех крупных диалектов: восточного, южного, северо-западного. Эти традиционные названия пришли на смену этническим терминам — куваканский, юрматинский, которые были установлены в 20-е гг. XX в. и отражали фонетическую территорию диалектов, т. е. первые классификации основывались на фонетическом различии аффиксов мн. ч. По этому критерию тюркологи того времени В. В. Радлов, А. Бессонов, Мир-Салих Бикчурин, В. В. Катаринский, Дж. Г. Киекбаев разделяли разговорный башкирский язык на два диалекта: юго-восточный или степной, северо-восточный или горный по реализации аффиксов мн.ч. в говорах. О наличии формантов *-лар// -ләр* у степных башкир и *-тар// -тәр* у горных башкир указал еще В. В. Радлов в труде «Фонетика северных тюркских языков» (1882) [23]. А. Г. Бессонов в «Букваре для башкир» (1907) также выделил в юго-восточном регионе аффиксы *-лар// -ләр* и в северо-восточном — *-тар// -тәр* [3], например, *башкортлар — башкорттар* ‘башкиры’ и т. п.

В 30-х гг. исследователи на основе фонетико-морфологических особенностей начинают выделять говоры в диалектной системе башкирского языка. В качестве различительных признаков были приняты форманты мн. ч. существительного *-тар// -тәр*, *-дар// -дәр*, *-зар// -зәр*, *-лар// -ләр*, *-нар // -нәр*, а также словообразующие аффиксы прилагательного *-ты// -те*, *-ды// -де*, *-зы// -зе*, *-лы// -ле*, *-ны// -не*, словообразующие аффиксы существительного *-тык// -тек*, *-дык// -дек*, *-зык// -зек*, *-лык// -лек*, *-нык// -нек*, словообразующие аффиксы глагола *-та// -тә*, *-да// -дә*, *-за// -зә*, *-ла// -лә*.

По мере изучения говоров и выявления ранее неизвестного диалектного материала вопрос о классификации вновь поднимается в 50-60-х гг. в трудах башкирских языковедов. Дж. Г. Киекбаев, исходя из фонетической схожести окончаний мн. ч. в южном и северо-западном диалектах, считал, что язык башкир северо-западного региона не является отдельным диалектом и этот промежуточный говор между башкирским и татарским языками входит в состав южного диалекта башкирского языка [12, с. 27–81].

В этот же период Т. Г. Баишевым разрабатывается система фонем диалектов и говоров с привлечением большого фактического материала, и он выделяет три крупных диалекта в башкирском языке: восточный, южный, северо-западный со входящими в их состав наречиями *h-ç*, *ç*, *h*, *з-ç*, *ç*, *з*, *n-t* [1, с. 39–43]. На основе его исследования в 50-70-х гг. научными сотрудниками сектора диалектологии и топонимики ИИЯЛ БФ АН СССР проводятся целенаправленные экспедиции по сбору лексических, морфологических, фонетических особенностей говоров, и в дальнейшем все три диалекта башкирского языка были описаны в монографиях Н. Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении» (1976) [15] и С. Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» (1979), «Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние» (1991) [17; 18].

В результате собранного диалектного материала и проведенных исследований стало известно, что диалектное окончание множественности *-нар* существует не во всех говорах башкирского языка. В связи с этим основной задачей нашего исследования является сравнительно-исторический анализ диалектных формантов мн. ч. башкирского языка с целью восстановления картины исторического прошлого и раскрытия фономорфологических закономерностей развития окончаний

-лар//ләр и *-нар//нәр*, начиная от языка-основы. Для этого нами были изучены показатели мн. ч. в письменных памятниках древнетюркского и среднетюркского периодов.

Показатели множественного числа в тюркских письменных памятниках

В данном разделе нашей статьи попытаемся сравнить форманты мн. ч. башкирского языка с формантами мн. ч. таких письменных памятников, как: орхонские и енисейские надписи на каменных балбалах, деревянных палочках, мелких бытовых вещах, относящихся к V-VII вв.; древнетюркская гадательная книга *Irq bitig* «Ырк Битиг», составленная в середине VIII в.; болгарские эпитафии Поволжья, относящиеся к XI-XIII вв.; крупное поэтическое произведение эпико-дидактического характера, относящееся к письменным памятникам карлукско-уйгурского языка восточной части Караханидского государства «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, завершённое в 1069 г.; сводный словарь тюрков XI в. Махмуда Кашгарского «Диван-у лугат ит-турк», завершённый в 1074 г.; половецкий словарь *Codex Cumanicus*, составленный и многократно переписанный в XIII-XIV вв. и т. п.

Многие тюркологи — И. А. Батманов, И. Г. Галютдинов, А. В. Дыбо, Н. И. Егоров, О. А. Мудрак, Марсель Эрдал, Ф. Г. Хисамитдинова, К. К. Юдахин и др. — считают, что древнетюркская письменность сложилась, вероятно, в гуннский период. И. А. Батманов писал, что многие стелы, наскальные надписи, надписи на валунах и на мелких предметах (чаши, зеркала, пряслица и т. п.), найденные на территории Поволжья, Крыма, Тувы, Хакасии, Горного Алтая, на юге Якутии, в Таласской долине Киргизии, в северной части Монголии [2, с. 10], содержат единую лингвистическую основу и сохраняются в современных тюркских языках с определенными отличиями. В этих надписях формантами мн. ч. выступают древнетюркские окончания *-lar//lär*, например: *asurilar garudilar gantarvilar kinarilar mogoragilar ol kişikä neñ tiding ada qilu umazlar* ‘асура, гаруди, гантарви, кинари, могораги не могут создать этим людям никаких помех’. *Sizlär qatay tözünlär quturu tiñlañlär* ‘Вы все благородные, выслушайте полностью’¹.

В монографии «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.» А.Н. Кононов

¹ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 474.

отметил, что множественность в тюркских рунических памятниках выражается двумя способами: морфологически и синтаксически. Морфологический способ обозначения отдельной, членной множественности реализуется с помощью аффиксов *-lar // -lär*, например: *bägläri bodunı tüzsiz üçün* ‘По причине неверности их беков и народа...’; *ögim qatun ulaju öglärim ekälärim keliñünim qunçularım ... küñ boltaçı erti* ‘моя мать — катун, следующие [за нею] мои [сводные] матери, мои старшие сестры (~ тетки), мои невесты, мои ханши-девицы... стали бы рабынями’².

На письменных памятниках енисейских тюрков V-VII вв. также зафиксированы древнетюркские форманты *-lar//lär*. В частности, в текстах эпитафий с р. Уюк-турана имеются надписи *är kydäzjläpim* ‘мои зятья’, *kyz kälänläpim* ‘мои молодушки (сношеньки)’³; с д. Ачура *jüz är jüzi bäglär* ‘лица ста мужей, взгляд князей (бегов)’; *äplärim jok* ‘у меня не оказалось героев-удальцов’⁴.

В известной древнетюркской гадательной книге *Irq bitig* «Ырк Битиг» («Книга оракулов»), переписанной в середине VIII в., не наблюдаются форманты мн. ч. после существительных в переводе и транслитерации В. М. Яковлева и С. Е. Малова. Так как семантика множественности передается синтаксическим способом в этом загадочном тексте, то есть при помощи конкретных числительных или определенных форм глагола: *anča biliñlär* ‘знайте’⁵.

В болгарских эпитафиях XI-XIII вв. наблюдаются морфологические показатели мн. ч. *-lar//lär*, которые представлены в болгарских надгробных текстах без всяких фонетических разновидностей: *golämälar* ‘ученые’, *galimlärqa tärbijä qılqan* ‘содержавший ученых’; *jätim, tul öksüzlärne asrağan* ‘кормивший сирот и вдов’, *mäsgeklär giñmarät qılqan* ‘воздвигавший мечети’, *jegetlär körke* ‘краса молодцев’, *könellär özäge* ‘сердце сердец’⁶.

В средневековом произведении дидактического характера «Qutadgu Bilig» Юсуфа Баласагунского, язык которого принадлежит *d-ö* группе

² Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, 1980. С. 145.

³ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л., 1952. С. 19.

⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 50, 26.

⁵ Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга // Бюллетень. Общество востоковедов. Прил. 4. Перевод, предисловие, примечания и словарь В. М. Яковлева. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 59.

⁶ Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. С. 47, 49.

тюркских языков, находим также форманты *-lar//lär* в морфологическом оформлении большинства существительных и местоимений: *olanlar şahiddir* ‘сыновья, павшие в бою’; *Bunlar birbirlerine düşmandır* ‘эти враждуют между собой’; *bögülär cözö* ‘слова мудрецов’, *öküş türklär* ‘многие тюрки’¹.

Древнетюркские форманты множественности *-lar//lär* часто наблюдаются в известном письменном памятнике *Codex Cumanicus*, датируемом началом XIV в., точнее 1303 г. В данный куманский словарь вошли христианские молитвы и фольклорные тексты половцев того периода. В них зафиксированы следующие фонетические варианты аффиксов мн. ч. древнекыпчакского языка:

-lar: 1) *Yalbarurmen... barca arilarğa...* ‘Умоляю... всех святых...’; 2) *köp tañlar etti* ‘совершил много чудес’;

-ler: 1) *Kristus alay aytı kelepenlergä* ‘Христос сказал прокаженным так’; 2) *Yarli, miskin kisiler / Yaqsı Bitik bilmesler* ‘Бедные, нищие (духом) люди не знают Святого Письма’;

-lär: 1) *Xanniñ alämläri cıqsın* ‘Взвейтесь, знамена царские’; 2) *isi fänärlär bile* ‘с зажженными фонарями’².

Следует отметить, что в текстах тюркских рунических памятников и болгарских эпитафий выступает показатель мн. ч. с широкой переднерядной гласной фонемой *-ä-*, т. е. *-lär*. В половецких молитвах, гимнах, загадках XIII–XVI вв., собранных в *Codex Cumanicus*, параллельно с *-lar//lär* встречается формант с узкой гласной фонемой *-e-*, то есть *-ler*.

В поэтическом сочинении Кутба «Хосрау и Ширин», хранящемся в Национальной библиотеке Парижа и определяемом текстологами как смешанный огузско-кыпчакский литературный язык XIV в. Золотой Орды, зафиксированы следующие показатели мн. ч.: *elçiler* ‘послы’; *biliglig kişiler* ‘знающие люди; ученые’; *üküş edgüler* ‘множество святых’; *çığaylar hakı* ‘цена (ради) бедняков’³. В данном средневековом лирическом произведении встречается множество аффиксов в форме *-ler*, как и в куманском письменном произведении *Codex Cumanicus*.

В следующем письменном памятнике средне-тюркского периода — лирической поэзии Кади

¹ Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. С. 8, 9.

² Гаркавец А. Н. *Codex Cumanicus*. 2-е издание, дополненное. Алматы: Алматы-Болашак, 2019. С. 73, 79, 80, 84, 87.

³ URL: <https://kutadgubilig.appspot.com> (дата обращения: 01.07.2023).

Ахмад Бурханэдина, — хранящемся в Британском королевском музее и переписанном в 1393–1394 гг., также наблюдаются древнетюркские форманты *-lar//lär: kişilär* ‘люди’; *gönülläri joluña gójucax* ‘свои сердца положат на твою дорогу’⁴.

Следующая средневековая рукопись, представляющая большую научную ценность для истории тюркских языков, — это «Сираж ал-Кулб» («Көнүлләр чырағы» ‘Светоч сердец’), хранящаяся в отделе древних актов ЦГА в Москве. Она содержит множество морфологических показателей XVI в.: *ktamuq jılanları* ‘змеи ада’; *Färiştälär jol bärmägäjlär* ‘ангелы не дадут пройти’⁵.

Приведенные примеры показывают, что форманты *-lar//lär* известны по самым ранним письменным источникам тюрков. Также выяснилось, что не только в древнетюркских и среднетюркских письменных памятниках, но и в различных региональных вариантах старотюрки применялись форманты на сонорный *-l-* (*-lar//lär//ler*). Возможно, в древних диалектах тюркских языков существовали и другие анлаутные консонантные варианты, восходящие к **-lar*.

Показатели множественного числа в современных тюркских языках

В современных тюркских языках понятие «мно-го» и совокупность одинаковости, а также избыточность исчисляемых предметов выражается фонетическими вариантами древнетюркских формантов **-lar//*-lär*, которые распространены во всех тюркских языках, кроме aberrантного чувашского. Поскольку в чувашском языке мн. ч. образуется путем присоединения аффикса *-sem//-сам* (в говорах *-сён*) к корню или основе слова [23, с. 82]. Этот вариант окончаний мн. ч. отличает чувашский язык от всех прочих тюркских языков. В якутском языке употребляются шестнадцать фонетических вариантов окончания мн. ч.: *-лар, -лэр, -лор, -лөр; -дар, -дэр, -дор, -дөр; -тар, -тэр, -тор, -төр; -нар, -нэр, -нор, -нөр*, а в некоторых его диалектах насчитываются около сорока. В тулейкенском говоре киргизского языка насчитывается пятнадцать разновидностей окончания мн. ч., в литературном киргизском и алтайском употребляются более 12 аффиксов. В алтайском, телеутском языках категория мн. ч. у имен существительных образуется путем присоединения к основе слова аффиксов *-лар/-лер, -лор/-лөр, -дар/-дер, -дор/-дөр, -тар/-тер, -тор/-төр*. В казахском языке наблюдается три

⁴ Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. С. 235.

⁵ Там же. С. 151, 225.

пары окончаний: *-лар/-лер*, *-дар/-дер*, *-тар/-тер*. В общем, кыпчакская и якутская группы тюркских языков богаты формантами мн. ч. Однако в некоторых кыпчакских языках функционируют **-lar//*-lär* и единственная фонетическая модификация *-nar//när*. В татарском языке, например, категория числа выражается при помощи аффиксов *-лар/-ләр* и его фонетических вариантов *-нар/-нәр*. Такие же аффиксы употребляются в ногайском, каракалпакском языках. В крымчакском¹, кумыкском, крымскотатарском, караимском, кабардино-балкарском языках мн. ч. имён существительных образуется посредством аффикса *-лар//лер* [16, с. 324–325; 19, с. 1124; 9, с. 1420–1432]. Также в карлукской группе, состоящей из уйгурского [11] и узбекского языков [13, с. 74–83], наблюдаются исключительно древнетюркские форманты **-lar//*-lär*. В кыргызской группе — хакасском, шорском, чулымском, сарыг-югурском, а также огузской группе — турецком, крымскотатарском, туркменском, азербайджанском, сарларском, гагаузском и тобаской группе тюркских языков — тофаларском, тувинском — мн. ч. выражается аффиксами *-лар/-лер* и *-нар/-нер* после сонорных согласных *-m*, *-n*, *-ŋ* [9; 19].

Как уже отметили, башкирскому языку присущи десять фонетических вариантов показателей мн. ч.: письменные варианты *-лар//ләр*, *-дар//дәр*, *-тар//тәр*, *-зар//зәр* и диалектные варианты *-нар//нәр*. Аффиксы с анлаутной интердентальной звонкой консонантой *-zar//zär* являются специфическими показателями и наблюдаются среди тюркских языков только в башкирском языке. Однако в актовых документах и шежере башкир, написанных на тюрки Урало-Поволжья, функционирующем с XVI в. до 20-х гг. XX в., зафиксированы лишь аффиксы *-лар//ләр*: *Күб йыллар кичде* ‘Прошло много лет’; *Кыпчаклар алган малларны кайтарса, бу малларны кайтарурмын*. ‘Если кыпчаки вернут отобранный скот, то мы этот скот (также) возвратим’².

Изучение многочисленных грамматик современных тюркских языков, древнетюркских письменных памятников и современных научных статей о форманте множественности показало, что форманты *-лар//ләр*, восходящие к древнетюркскому и среднетюркскому периодам, активно бытуют как в карлукских, огузских, кыпчакских, киргизских, так и сибирских, т. е. то-

баских, алтайских и якутских группах тюркских языков. Интересно и то, что аффиксы мн. ч. *-nar//när* встречаются в монгольских языках, начиная с XIII в. А. М. Щербак считает данное фонетическое преобразование заимствованием тюркских формантов **-lar//*-lär*, несмотря на то, что издревле в монгольском языке существовали свои древние показатели мн. ч. *-t//d*, *-ut//ud*, *-niyud* [22, с. 84].

Аффиксы мн. ч. в современных диалектах башкирского языка

В современном письменном башкирском языке функционируют четыре парных варианта мн. ч., которые всегда следуют закону гармонии гласных, то есть к словам, состоящим из заднерядных гласных, присоединяются «твердые» аффиксы *-лар*, *-тар*, *-дар*, *-зар*; после слов, содержащих переднерядные гласные, прибавляются «мягкие» аффиксы *-ләр*, *-тәр*, *-дәр*, *-зәр*. Помимо этого, в говорах встречаются диалектные показатели мн. ч. *-нар*, *-нәр*, которые реализуются исключительно в устной речи башкир. Далее рассмотрим каждый диалект отдельно.

Восточный диалект, научно описанный Н. Х. Максютовой, состоит из следующих говоров: *айский*, *аргаяшский*, *учалинский*, *кизилский*, *миасский*, *сальютский*.

Айский говор распространен в северо-восточной части Республики Башкортостан по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик. По административному делению говор охватывает Мечетлинский, Дуванский, Салаватский, Белокатайский, Кигинский районы РБ, часть северо-запада Челябинской области, а именно — Кусинский район с деревней Петрушкино [15, с. 22]. В этом говоре аффиксы множественности однотипны с литературным (письменным) языком, и используются четыре пары окончаний.

Носители сальютского говора проживают в сопредельной с Республикой Башкортостан северо-восточной части Челябинской области, где в прошлом жили башкиры племени *сальют* [15, с. 172]. Для сальютского говора также характерны все литературные нормы аффиксов мн. ч.: *бауайзар* ‘старика’, *туган кәйнеләр* ‘родственники мужа’, *балдар* ‘дети’ и т. п.

Следующий говор восточного диалекта — миасский — охватывает район бассейна р. Миасс в Челябинской области, ряд деревень Учалинского и Абзелиловского районов РБ [15, с. 214]. В данном говоре также бытуют все четыре варианта мн. ч., как принято в литературном (письменном)

¹ Ребе Д. И. Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь. Симферополь : Доля, 2004. С. 7.

² Халикова Р. Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв. М. : Наука, 1990. С. 28.

башкирском языке, например, *тәңкәләр* ‘монеты’, *нәнәйзәр* ‘новорожденные’, *картттар* ‘старики’, *килендәр* ‘снохи’.

В системе башкирских говоров кызылский занимает особое место не только по географическому положению, но и по языковым данным, так как он расположен на границе соприкосновения восточного и южного диалектов. Поэтому в нем представлены характерные языковые особенности как восточного, так и южного диалектов [15, с. 249]. Данному говору также свойственны все литературные аффиксы мн. ч.

Учалинский говор восточного диалекта башкирского языка охватывает 12 населенных пунктов Учалинского района Республики Башкортостан: Учалы, Имангулово, Ильчино, Ильтебано, Калканово, Кунакбаево, Мансурово, Мулдашево, Рысайево, Сафарово, Уразово, Юлдашево [21, с. 71]. Данный говор отличается от литературного башкирского языка в фонетическом аспекте, однако морфологические показатели мн. ч. совпадают с литературными вариантами.

В отличие от предыдущих говоров восточного диалекта, в аргаяшском говоре употребляются три варианта аффиксов мн. ч., то есть после глухих согласных — *-тар//тәр*: *кыҫтар* в.м. лит. *кыҫтар* ‘девушки’; после звонких согласных — *-дар//дәр*: *балдар* в.м.лит. *балалар* ‘дети’; после гласных и дифтонгов — *-лар//ләр*: *еңгәләр* ‘снохи’, *бауайлар* ‘дедушки’. В результате аргаяшский говор, охватывающий северо-восток Республики Башкортостан, северо-запад Челябинской области и запад Курганской области, характеризуется наличием трех парных фонетических вариантов показателей мн. ч. *-тар//тәр*, *-дар//дәр*, *-лар//ләр*. В остальных говорах восточного диалекта башкирского языка — айском, сальютском, миасском, кизилском, учалинском — наблюдаются все варианты окончания мн. ч. литературного (письменного) языка. У носителей восточного диалекта этническое самоназвание — *башкорттар*.

В южном диалекте башкирского языка, который состоит из *демского*, *среднего*, *иксакмарского*, *уршакского*, *зиганского* говоров, функционируют два фонетических варианта окончания мн. ч. *-нар//нәр*, *-лар//ләр*. По исследованиям С. Ф. Миржановой, ареал их распространения охватывает 24 из 54 районов Республики Башкортостан, а именно — башкирские населенные пункты Альшеевского, Архангельского, Аургазинского, Баймакского, Белорецкого, Бижбулякского, Буздякского, Бурзянского, Гафурийского, Давлекановского, Зианчуринско-

го, Зилаирского, Ишимбайского, Кармаскалинского, Кугарчинского, Куюргазинского, Мелеузовского, Миякинского, Нуримановского, Стерлибашевского, Стерлитамакского, Федоровского, Хайбуллинского, Чишминского районов [18, с. 6]. В отличие от литературного (письменного) языка и восточного диалекта в этом диалекте к именным и глагольным основам, оканчивающимся на сонорные *м*, *н*, *ң*, присоединяются аффиксы мн. ч. С начальным *-н*, как в большинстве древних и современных тюркских языков, например, *урманнар* ‘леса’ — *үләннәр* ‘травы’, *комнар* ‘пески’ — *кемнәр* ‘кто они?’, *таңнар* ‘зари’, *өңнәр* ‘берлоги’. После остальных фонем как гласных, так и согласных прибавляется древнетюркский аффикс *-*lar > -лар//ләр*. У носителей южного диалекта этническое самоназвание — *башкортлар*.

Таким образом, в южном диалекте аффиксы мн. ч. реализуются в двух фонетических вариантах, то есть произносятся фонемы *-л*, *-н* в анлауте окончаний в противовес восточному диалекту и письменному литературному языку, где функционирует четырехвариантный тип аффиксов с начальным *-л*, *-д*, *-з*, *-т*.

Северо-западный диалект башкирского языка представляет народно-разговорный язык башкир, проживающих компактными группами на северо-западе Башкортостана в основном в Караидельском, Аскинском, Балтачевском, Татышлинском, Бураевском, Янаульском, Краснокамском, Дюртюлинском, Илишевском, Туймазинском районах. За пределами республики гайнинские башкиры живут в Бардымском, Куединском, Осинском, Пермском, Чернушкинском районах Пермской области, а нижебельские и ыкские башкиры были расселены в Азнакаевском, Актанышском, Агрызском, Мензелинском, Муслюмском и др. районах соседней Республики Татарстан. С востока северо-западный диалектный ареал по восточной границе Караидельского района Башкортостана контактирует с айским говором восточного диалекта, с юго-востока — с демским говором южного диалекта [17]. Данный диалект включает в себя *караидельский*, *таньпский*, *нижебельско-ыкский*, *гайнинский*, *среднеуральский* говоры [21].

В отличие от литературной (письменной) 4-вариантной аффиксации у носителей северо-западного диалекта имеются лишь два варианта морфологических показателей мн. ч. — *-нар//нәр* и *-лар//ләр*, как у носителей южного диалекта. Также аффиксы *-нар//нәр* присоединяются после сонорных фонем *м*, *н*, *ң*: *комнар* ‘пески’

лит. *комдар*; *көннәр* ‘дни’ лит. *көндәр*; *таңнар* ‘зори’ лит. *таңдар*; в остальных случаях (после гласных и согласных) функционируют аффиксы *-лар//ләр* [10, с. 24]. У северо-западных башкир этническое самоназвание — *башкыртлар*.

Исходя из вышесказанных, отметим, что в разговорной речи башкир преобладающую роль играют форманты *лар//ләр*, которые активно функционируют во всех говорах башкирского языка. Диалектные форманты *-нар//нәр* употребляются в *демском, среднем, ик-сакмарском, уршакском, зиганском, караидельском, таныпском, нижнебельско-ыкском, гайнинском, среднеуральском* говорах, когда в *айском, аргаяшском, кизилском, миаском, сальютском* говорах функционируют форманты письменного литературного языка.

Причина появления различных консонантных вариантов окончаний мн. ч. в башкирском языке

В башкирском языкознании еще не описано чередование анлаутных консонантов окончаний мн. ч. **-лар//ләр > -нар//нәр ~ -зар//зәр ~ -дар//дәр ~ -тар//тәр*, также нет исследования о причине появления рефлекса **-лар > -нар* во многих современных тюркских языках. Основной причиной изменения *-lar* могут быть комбинаторные фонетические процессы, происходящие под влиянием артикуляционных и акустических свойств соседних звуков. Например, древнетюркский формант **-lar* в окружении звонких консонантов озвончается и появляется звонкий показатель на *д*, то есть *дар//дәр* (*куяндар* ‘зайцы’, *үләндәр* ‘травы’) и, наоборот, в окружении глухих консонантов аффикс оглушается и появляется глухой показатель на *т* в анлауте аффиксов *-тар//тәр* (*аттар* ‘лошади’, *этәстәр* ‘петухи’). После слов, оканчивающихся на звонкий консонант *з* и сонорных *й, w* (сочетание гласных с фонемами *V+y, V+y*) произносятся и пишутся форманты *-зар//зәр*, например: *көйзәр* ‘мелодии’, *каззар* ‘гуси’, *буяузәр* ‘краски’. В диалектах башкирского языка, и, как уже было сказано, во многих тюркских языках после основы или корня слова на сонорные согласные *м, н, ң* присоединяются аффиксы с анлаутной сонорной *-нар//нәр* (*төннәр* ‘ночи’). Таким образом, происходит прогрессивная ассимиляция консонантов из-за влияния предыдущего звука на последующий.

Как уже было сказано, диалектные окончания мн. ч. башкирского языка *-нар//нәр*, как и все

другие, восходят к древнетюркским формантам мн. ч. **-lar//*-lär*. Переход **-lar//*-lär > -нар//нәр* происходит в том случае, если в ауслaute слова произносятся сонорные консонанты *м, н, ң*, у которых артикуляционно-акустическая характеристика близка или совпадает. Эти язычно-зубные сонорные консонанты *н, ң*, губно-губной сонорный консонант *м* способствуют к трансформации фонемы *л > н* в анлауте форманта **-lar*, то есть происходит полная прогрессивная ассимиляция. Помимо этого, в процессе трансформации *л > н* из-за влияния предшествующего звука на последующий происходят следующие артикуляционно-физиологические изменения: нёбная занавеска (увула) опускается и воздушная струя проходит в полость носа, вызывая носовой резонанс. Далее увула не успевает закрывать проход воздуха в носовую полость для артикуляции *л*. К переходу причастны также язык и верхние зубы. Поскольку фонема *л* образуется на основании передней части верхних зубов, то есть кончик языка прижимается к основанию верхних резцов и при том средняя часть спинки языка не принимает активного участия. Переднеязычный консонант *н* произносится чуть тверже чем *л*, и в его образовании активно участвует средняя часть спинки языка, когда кончик языка находится на передних резцах. Таким образом, перед апикальными сонорными согласными *м, н, ң* в ауслaute слова сдвиг языка немного вперед и интенсивное давление на резцы образует переход *л > н*.

Ареал распространения окончания *-нар//нәр* среди тюркских языков

Форманты мн. ч. *-нар//нәр* наблюдаются не во всех тюркских языках. Хотя охватывают большую территорию Евразийского континента: от Охотского моря до Средиземного моря, то есть от Якутии до Греции. Например, самоназвание греческих урумов — *урумлар//урумнар*. Следует также отметить, что гагаузы являются самым западным тюркоязычным народом, употребляющим данные окончания в своей речи, которые исторически сформировались на севере Балканского полуострова и проживают в Молдавии, Болгарии, Северной Македонии, Греции, Румынии и др. странах. С целью представления ареала бытования окончаний мн. ч. **-lar//*-lär > -нар//нәр* составили следующую таблицу, где повторный аффикс *-лар* заменяется дефисом.

Таблица 1
Table 1

Форманты мн. ч. *-*lar//*-lär > -nar//-* нәр в тюркских языках
Plural formants *-*lar//*-lär > -nar//-* нәр in Turkic languages

Тюркские языки	После гласных и согласных	После согласных <i>-m, -n, -ŋ</i>
башкирский: южный, северо-западный диалекты	-лар	-нар
татарский	-лар	-нар
ногайский	-лар	-нар
каракалпакский	-лар	-нар
киргизский	-лар	-дар
казахский	-лар	-дар
булгарский	-лар	-
кумыкский	-лар	-
караимский	-лар	-
кабардино-балкарский	-лар	-
узбекский	-лар	-
уйгурский	-лар	-
хакасский	-лар	-нар
шорский	-лар	-нар
чулымский	-лар	-нар
сарыг-югурский	-лар	-нар
тофаларский	-лар	-нар
тувинский	-лар	-нар
якутский	-лар	-нар
турецкий	-лар	-нар
крымско-татарский	-лар	-нар
туркменский	-лар	-нар
азербайджанский	-лар	-нар
гагаузский	-лар	-нар
саларский	-лар	-нар
урумский	-лар	-нар

В данной таблице представлены тюркские языки, у которых наблюдается два варианта аффикса: *-нар* — после сонорных согласных *-m, -n, -ŋ* и *-лар* — после остальных фонем. Помимо этого необходимо отметить, что в древнетюркских стелах, булгарских эпитафиях и современном кумыкском, караимском, кабардино-балкарском, узбекском, уйгурском языках имеется единственный формант мн. ч. на сонорный консонант *l*: *-*lar//*-lär*. Рефлексы *-*lar//*-lär > -zar//-zär*, встречаются только в башкирском языке и мало описаны в трудах тюркологов.

Заключение

В заключение отметим, что ареал распространения аффиксов мн. ч. *-nar//-* нәр в тюркских языках, восходящих к древнетюркскому состоянию, охватывает почти весь евразийский континент и в основном проходит по его средней полосе —

от Якутии до Греции. Данные форманты наблюдаются исключительно в устной речи башкир в отличие от других тюркских языков и ареал распространения *-*lar//*-lär > -nar//-* нәр охватывает большую территорию — южные, западные и северные районы — Республики Башкортостан. Также выявили, что все остальные фонетические варианты показателя множественности — *-tar//-* тәр, *-dar//-* дәр, *-zar//-* зәр являются современными модификациями древнетюркских формантов **-lar//*-lär*, зафиксированных в различных письменных памятниках, начиная от каменных енисейских и орхонских стел до современных говоров. Аффиксы мн. ч. *-zar//-* зәр присущи только башкирскому литературному (письменному) языку и в устной (разговорной) речи употребляются в восточной части Республики Башкортостан и юго-западной части Челябинской области РФ.

Список источников

1. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М. : Наука, 1955. 121 с.
2. Батманов И. А. Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии. Фрунзе : Илим, 1966. 360 с.
3. Бессонов А. Г. Букварь для башкир. Казань : Центр. тип., 1907. 46 с.
4. Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссии. Казань : Университетская типография, 1869. 298 с.
5. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М. : Наука, 1981. 495 с.
6. Давлетшин Ф. Й. Башкорт телендә ләһжәләр // Башкорт аймағы. 1928. № 6. С. 76–85.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 1940. 206 с.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 1948. 276 с.
9. Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В. Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1415–1437.
10. Ишкильдина Л. К., Валиева М. Р. Программа для сбора диалектного материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка (фонетика, морфология). Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 72 с.
11. Кайдаров А. Т. Краткий грамматический очерк уйгурского языка : учеб. пособие. Алма-Ата : Наука, 1966. 39 с.
12. Кейекбаев Ж. Ф. Башкорт диалектары һәм уларзың тарихына кыскаса инеш // *Ғилми язмалар*. 1958. № 2. 27–81 бб.
13. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л. : Наука, 1960. 446 с.
14. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Ленинград : Наука, 1980. 255 с.
15. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М. : Наука, 1976. 292 с.
16. Меметов А. М. Крымскотатарский язык. Симферополь : КРП «Изд. Крымучпедгиз», 2013. 576 с.
17. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние. Уфа : Китап, 1991. 296 с.
18. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М. : Наука, 1979. 272 с.
19. Норманская Ю. В., Гаджиева А. А. Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1121–1134.
20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М. : Наука, 1988. 560 с.
21. Шәкүров Р. З. Башкорт диалектологияһы. Өфө : Китап, 2020. 256 б.
22. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л. : Наука, 1977. 190 с.
23. Radloff W. *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkssprachen. Erster Teil. Phonetik der nördlichen Türkssprachen*. Leipzig: T.O. Weigel's Verlag, 1882. XLV, 318 p.

References

1. Baishev TG. Bashkirskie dialekty v ih otnoshenii k literaturnomu yazyku = Bashkir dialects in their relation to the literary language. Moscow; 1955. 121 p. (In Russ.).
2. Batmanov IA. Istochniki formirovaniya tyurkskih yazykov Yuzhnoj Sibiri i Srednej Azii = Sources of the formation of the Turkic languages of Southern Siberia and Central Asia. Frunze; 1966. 360 p. (In Russ.).
3. Bessonov AG. Bukvar' dlya Bashkir = ABC book for the Bashkirs. Kazan; 1907. 46 p. (In Bashk.).
4. Grammatika altajskogo yazyka, sostavlena chlenami altajskoj misssh = Grammar of the Altai language, compiled by members of the Altai miss. Kazan; 1869. 298 p. (In Russ.).
5. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow; 1981. 495 p. (In Russ.).
6. Davletshin GY. Subdialects of the Bashkir language. *Bashqort aymagy = Bashkir region*. 1928;(6):76-85. (In Bashk.).

7. Dmitriev NK. Grammatika kumykskogo yazyka = Grammar of the Kumyk language. Moscow, Leningrad; 1940. 206 p. (In Russ.).
8. Dmitriev NK. Grammatika bashkirskogo yazyka = Grammar of the Bashkir language. Moscow, Leningrad; 1948. 276 p. (In Russ.).
9. Dybo AV, Abubakirova LF, Zimin MM, Korovina EV, Kochakaeva ZK, Sharov AV. Once again about the forms of the plural indicator in Turkic languages. *Oriental Studies = Oriental Studies*. 2020;13(5):1415-1437. (In Russ.).
10. Ishkildina LK, Valieva MR. Programma dlya sbora dialektного materiala po karaidel'skomu govoru severo-zapadного dialecta bashkirskogo yazyka (fonetika, morfologiya) = Program for collecting dialect material on the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language (phonetics, morphology). Ufa; 2023. 72 p. (In Russ.).
11. Kaidarov AT. Kratkij grammaticheskij ocherk ujugurskogo yazyka. Uchebnoe posobie = A brief grammatical outline of the Uyghur language. Textbook. Almaty; 1966. 39 p. (In Russ.).
12. Keyekbaev ZhG. Bashkir dialects and a brief introduction to the history of their study. *Filmi yađmalar = Scientific records*. 1958;(2):27-81 (In Bashk.).
13. Kononov AN. Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Uzbek literary language. Moscow, Leningrad; 1960. 446 p. (In Russ.).
14. Kononov AN. Grammatika yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov VII-IX vv. = Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th-9th centuries. Leningrad; 1980. 255 p. (In Russ.).
15. Maksyutova NK. Vostochnyj dialekt bashkirskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii = Eastern dialect of the Bashkir language in comparative historical coverage. Moscow; 1976. 292 p. (In Russ.).
16. Memetov AM. Krymskotatarskij yazyk = Crimean Tatar language. Simferopol; 2013. 576 p. (In Russ.).
17. Mirzhanova SF. Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo yazyka: Formirovanie i sovremennoe sostoyanie = Northwestern dialect of the Bashkir language: formation and current state. Ufa; 1991. 296 p. (In Russ.).
18. Mirzhanova SF. Yuzhnyj dialekt bashkirskogo yazyka = Southern dialect of the Bashkir language. Moscow; 1979. 272 p. (In Russ.).
19. Normanskaya YuV, Gadzhieva AA. How the form of the plural indicator has changed in the Turkic languages over the past 150 years. *Oriental Studies = Oriental Studies*. 2020;13(4):1121-1134. (In Russ.).
20. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov: morfologiya = Comparative-historical grammar of the Turkic languages: morphology. Moscow; 1988. 560 p. (In Russ.).
21. Shukurov RZ. Bashkort dialektologiyahy = Bashkir dialectology. Ufa; 2020. 256 p. (In Bashk.).
22. Shcherbak AM. Oчерki po sravnitel'noj morfologii tyurkskih yazykov (Imya) = Essays on the comparative morphology of Turkic languages (Name). Leningrad; 1977. 190 p. (In Russ.).
23. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Teil. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig; 1882. XLV. 318 p. (In Germ.).

Сведения об авторе

М. Р. Валиева — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы.

Information about the author

Madina R. Valieva — Cand. Sci. (Philology), researcher at the Department of Applied Linguistics and Dialectology of the Institute of History, Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 08.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 08.01.2024; approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.